

18+

Хамархан Хамтай Александр

Вожак (Матёрый)

Хамархан Александр Вожак (Матёрый)

<https://litres.ru/74269668>

ISBN 9785007065511

Аннотация

История из романов: «Воспоминания старого шамана. Путь волка, Молодое поколение, Дух кочевой, Модорхон». Она следует за историей Шоно, волчицы, которая ещё маленьким щенком попала в деревню к людям. Книга про Вожака волчьей стаи, про его жизнь в лесу. Про законы и уклады леса и про его обитателей. Книга и про главное событие в жизни Матёрого. Сюжеты этой истории объединяют в себе героев Фартового деда, охотника из дальней деревни, Волкодава, главного охотника на волков и большого черного ворона

Содержание

Вожак	7
Менялась Природа	10
Старый охотник	15
Охота на козу	18
Страшный волчара	21
Что это было?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вожак (Матёрый)

Хамархан Хамтай
Александр

© Хамархан Хамтай Александр, 2026

ISBN 978-5-0070-6551-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хамархан Хамтай Александр

Вожак (Матёрый)

*Все было в жизни Вожака:
И ишрамы, и охотничьи капканы,
Предательство других волков,
Он тоже проходил.*

*Друзей терял, сам попадая в ямы,
Когда сородичей из-под облавы уводил.
Но не озлобился Вожак, зализывая раны,*

*В Душе Свободной он сильнее стаю
полюбил.*

(Вожак и стая)

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках, — это увлекательная история, из романов: «Воспоминания старого шамана. Путь волка, Молодое поколение, Дух кочевой, Модорхон». Это книга следует за историей Шоно, волчицы, которая ещё маленьким щенком попала в деревню к людям. Книга про Вожака волчьей стаи, про его жизнь в лесу. Про законы и уклады леса и про его обитателей. Эта книга и про главное событие в жизни Матёрого. Сюжеты этой истории объединяют в себе героев: Фартового деда — охотника из дальней деревни, Волкодава — главного охотника на волков и большого черного ворона.

Я искренне верю, что эта книга подарит вам чуточку тепла и немножко грусти, и хорошего доброго настроения.

С уважением, Автор.

Герои этой книги, явились собирательными образами, вместившими в себя много поколений хороших людей и их характеров. Людей, сохраняющих традиции, язык и культуру своего народа. Все, о чем сказано в них, все герои и события,

являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Вожак

Вожак, в волчьей стае, — самый сильный волк, самый умный и самый хитрый. Крепкий Дух у Вожака, — крепче Духов других волков, ничто, его, не сломит и ничто не свернет. Выбор Вожака, в стае, — всегда осознанный и своевременный. Сытая стая — хороший вожак! — Вот она истина волчьей жизни.

Но Тайга большая, — много в ней места, и хищнику, и жертве. Нет ничего постоянного, для вóлков в Тайге. Каждый день — новый для хищников — новая погоня и новая добыча. — Нету покоя для них никакого.

Как задастся охота, — так и день они проживут, а не задастся, если, — оголодают, звереть начнут. Новая погоня тогда потребуются, новые силы, чтобы выследить жертву, и чтобы догнать.

Была, у Вожака, любимая волчица, — заботливая мать его маленьких волчат. Попала она под случайную пулю в охоте, и внезапно ее не стало.

Поменялся Вожак с того времени. Остался один в своем хищном роде. — Не на кого больше опереться Матерому, — не у кого больше поддержки найти. Если раньше много было беспечности, безрассудства у волка, то теперь он стал осторожным, на рожон не лез. Если что-то уже и делал, —

то неспешно, обдуманно.

Зрелый волк, — Матерый, — нет у него силы дурной, — той, что лапам покоя не дает. Если ему и охотиться, добычу выслеживать, — тогда основательно, — без суеты и без спешки. В стае Матерого — есть, кому бегать и кому суетиться. Много там молодых волков не опытных.

Большая Тайга кругом, — много жителей. У каждого жителя есть свой дом и свои заботы. Есть, кто, в ней, днем живет, — молодь свою растит и по лесу бегают. С наступлением ночи, прячутся такие жители, отдыхают от прошедшего дня.

Ночью, в Тайге, другие жители просыпаются. Они другую жизнь живут — скрытую и совсем непонятную. Есть такая жизнь у серых волков.

Разные времена случались в лесу. Бывали годы урожайные и дождливые. Трава тогда вырастала хорошая, с деревьями ветвистыми и с густым кустарником.

Родила дичь потомство, — множилась новым приплодом. От того и хищникам хорошо, — было чем поживиться, плоть свою утолить. И человеку спокойней: не лез хищник по стайкам, и по чужим огородам.

Хорошо в урожайный год, спокойно. Можно планы планировать наперед, с мыслями собираться: — нет никакой конкуренции и никаких врагов рядом. Всем и всего в достатке: и воды, и пищи. Счастья на всех от Природы, и от Природной любви.

Хотя, не всегда было так.

В хорошие тучные годы — ширилась стая молодыми волками. Разрасталась по всей тайге. Учились молодые волки, росли и охотились, за своими родителями бегали.

Но сменялись годы, — трудными временами. Годы засушливые приходили, и тогда — ни травы в лесу, — ни воды в ручьях и речках.

Мало корма для дичи, — мигрировала дичь в другие места. Пищи все меньше и меньше для голодных и хищных ртов.

Приходилось тогда, волчьей стае, защищать свое от набегов, — от чужих хищников отбиваться. Иногда и самим нападать приходилось, — наведываться на чужие владения.

Голодали волки, редкой добычей перебивались. Но как бы не было голодно, старались они не встречаться с людьми.

Было среди волков правило и негласный лесной закон. Подчинялись закону серые хищники. И пока сохранялся закон, человек не вмешивался в их порядки.

Время шло: жизнь у людей и волков — шла параллельно, — рядом бежала она, на своем расстоянии.

Менялась Природа

Однако так не всегда было. Менялась природа сезонами, циклами своими. Пожары случались в ней, засухи, наводнения. По своим природным причинам они случались. Мог человек стать причиной всех этих бед. Он, хоть и подобен Создателю, но порой поступает как зверь ненасытный или дитя неразумное. Откликается Природа, на посылы его и на действия, — наказывает человека, тогда.

Годами засушливыми — урожаи губит, пожарами лесными — выжигает злость человеческую. Может дождливыми годами — реки поднять, — затопить поселения людские, — скот загубить и всю живность его.

Хищников насылает Природа к людям. Вот тогда те две линии: стаи волков и людей, — очень близко становятся, а совсем уж тяжелой порой, — они вовсе сталкиваются.

Бывало, в голодный год, забредал волк в деревню, начинал скот беззащитный драть, ущерб крестьянам, в хозяйстве, наносить. Не разбирался хищник, тогда, не церемонился: все что само в зубы «попалось» — все это «волочим ножом» резалось.

Поначалу, для волка, все хорошо шло. До того момента, пока не касалось хозяев. А как замечали хозяева гостей непрошенных, — тут и случалась расплата, — страшная волчья облава. Собирались охотники деревенские, с ружьями и с собаками, — кто на технике, а кто просто на лыжах, — шли в загон, волков загонять.

Огородят охотники лентами и флажками периметр. Гонят стаю волков на стрелков.

Стрелки у них меткие, обученные, — все с большим опытом. Им что белке в глаз, что в бегущего волка, — почти без разницы. Метко бьют и ружья быстро заряжают.

На прорыв прорываться, волкам, — шансов мало. Из десятка волков единицы уйдут, а может и не уйдут, если охотники хитрость свою применяют.

Получалось так, что сперва, одному волку было хорошо, — по чужим стайкам, курятникам лазить, а потом, за его проделки, — вся стая под пули попадала.

Был Закон у природы — самый главный. — Закон неотвратимости. Действовал, он, четко и безупречно. Нарушил его — отвечай по всей строгости таежной.

Знали, старые волки, лесные законы. Кто-то, — от других волков, о таком слышал, а кто-то — сам попадал в облаву, и лишь чудом оставался живым.

Так, они, опыт свой и свою мудрость волчью, передавали молодым еще не опытным хищникам.

Но жизнь не простая штука, не предсказуемая: любит она

историю повторять. И не все уроки проходят на чужих ошибках.

Появлялся волк молодой, из стаи, — шел он по легкому пути, не задумывался. Пересекал линию двух заклятых природных хищников: линию волков серых, и линию людей поселенских.

Заберется такой в деревню, и вместо лесной добычи, станет хозяйскую живность драть.

Соберутся тогда охотники и пойдут в лес, со своими ружьями и своими собаками. Будут, как и в былые годы, — выстрелы грохотать, пули свистеть, — волчьи жизни из лесу выхватывать. Так, она, — легкая добыча для одних, — становилась тяжелым кровавым бременем для других.

Редкий волк уходил в облаве, и если такое случалось, — тогда, он, на всю жизнь получал урок.

Позже, в другое время, он с другими волками делился. — Опыт свой жизненный, им, рассказывал. Шла история рядом, за ним, — и за ним же она повторялась заново.

Была у волков своя иерархия, держались они, ее, и чтили. Подчинение в стае — жизнь, неподчинение — смерть. Иначе не выжить в таежном краю. Охотились волки на мелкую дичь, — на грызунов и на зайцев. На дичь, что покрупнее — на косулю, и на козу. Секача-кабана загонять пытались, — зверя быстрого, страшного. Тот и сам кого хочет, — сможет убить. Могли волки пойти на оленя, и на большого сохатого

— на лесного быка.

Были у волков свои конкуренты. Бурый медведь, например.

У медведя того, — своя голова на плечах — бурая. Никто в нее не заглянет, — и никто мысли, его, не поймет. Он — самый старший в лесу, хотя и не очень разумный. — Самый сильный и самый опасный зверь.

Если задумал чего-то медведь — тогда несколько волков ему не помеха.

— Сам, он, если пойдет — обходи его стороной.

— Если медведица, с медвежатами, на пути попадутся, — тогда от нее еще дальше держись. Не станет она церемониться, — разметаёт и волка, и кабана, и любого другого зверя.

Охотники старые так молодым говорили:

Материнский инстинкт — это страшная сила. — Никто не пойдет супротив него.

Природа разумная — не дает в обиду, матерей своих с малыми детками. Знают это охотники, — соблюдают простые истины. Матке молоденькой сохраняют жизнь.

Матка если погибнет, — не даст приплода, — не пополнилась живность тогда в этой в местности. Плохо станет и зверьям и хищникам. Человеку от этого тоже плохо. — Снова появятся волки в селении, — пересекутся тогда параллельные линии.

Так рассуждали бывалые люди:

В мудрой Природе, — не все напрямую видится:

— Кое-чего не заметишь сразу.

Лишь опосля, на себе почувствуешь,

— То, чего сделал не так, и чего ты нарушил.

Теми простыми законами жили охотники, — те же законы другим пересказывали.

Старый охотник

Жил охотник старый в деревне, уважаемый был среди других. Промышлял он охотой и рыбалкой.

Летом рыбу добывал на реке, уды на нее ставил, иногда неводил. «Морда» еще была из ивовых прутьев. — Она на порогах ставилась. Горловина, у нее, узкая длинная. Рыба заходит к приманке сквозь горловину, а обратно выйти не может, путается. Так и остается в ивовой «морде».

Придет охотник, «морду» встряхнет, рыбу всю соберет и до дому.... А дома посолит, — и в бочонок, ее, в деревянный. — В подпол спустит, в прохладное место. Зимой достает соленую рыбу и лакомится, — других людей своими припасами угощает.

Иногда он коптил рыбу в коптильне: на сосновых шишках и на еловых ветках.

Рыбачил, бывало, на икромете, — ровно меру свою вытаскивал. Не нужно было охотнику сверх этой меры. Только себя самого прокормить и с родными своими поделиться. Оттого и рыбалка была, у охотника, хорошая, что Природа ему позволяла.

Зимой охотник — подо льдом рыбачил. Насверлит лунок в широком месте, рыба наверх поднимается, чтобы через лунки подышать. Охотник, ее, прикормит и удит, добычу из реки вытаскивает.

Ходил на охоту старый охотник. С поздней осени, по весну. Капканы ставил на мелкую промысловую дичь, на зверька пушного. Зайцев, тоже, капканами добывал. С верной собакой, на уток охотился.

Бывали случаи, и большая дичь попадалась. И все, в основном, в одиночку.

Одному лучше: ни от кого не зависишь, никому ничем не обязан. — И думается одному лучше, у костра, когда вечер наступает. Котелок кипит, ароматы вкусные издает. Наливает, охотник, похлебку из котелка, — угощается, — радостно у него на душе.

— Нету лучшие на свете, чем у костра посидеть, и похлебку свежую, из дичи, поест.

Прохладно, к ночи, делается. Похлебка горячая, — в ложке парит, согревает охотника изнутри.

Посидит он, пламя живое покормит, с Духами местными пообщается. Посмотрит потом на ночное небо, звёздами белыми все усыпанное. Помечтает о чем-то, вспомнит былое: о родных своих и о своей молодости. Глубоко вздохнет и скажет не громко:

«Ничего человеку не надо, другого, кроме как на природе жить, и плодами, ее, пользоваться».

Потом он прикроет глаза, и моментом тем насладится.

Духи, его, послушают, примут, его, угощения. Погреются возле яркого пламени. Посидят рядом с охотником, размышления, его, поддержат. Обернутся свежим ночным туманом и пойдут потихоньку в свой мир.

Так он жил тот охотник, — в одиночку с самой молодости. Тайга для него — мать родная. Берег он её, и она о нем тоже заботилась.

Позже, в зрелые годы, он ходил на охоту с командой. Брали, его, деревенские, уже как фартового деда. Был с ним фарт, — выходила лесная дичь на него. Знал старый охотник таежные законы и таёжных Духов. Любила, его, Тайга, — за знания, и за — научения молодых. Следил фартовый, чтобы все было правильно, чтобы законы таёжные соблюдались.

Бывали случаи, — люди пытались нарушить закон. Тогда упрявился дед, — не позволял твориться плохому. Знали охотники о таком, — слушались бывалого деда. Если брали, его, с собой, — то на многое не рассчитывали. Однако без дичи, с охоты, никогда не возвращались. А потому, и семьи охотников, завсегда были с диким мясом.

Охота на козу

Как-то зимой, когда трещали крепкие морозы, старый охотник пошел добывать козу. Собрался, как положено с вечера, все, что нужно приготовил. Утром поднялся пораньше, делов еще несколько по хозяйству сделал. А когда все закончил, — подался в лес. Морозно в лесу: снег хрустит под ногами, а изо рта пар идет. Едет старик на лыжах: где-то в горку поднимается, а где-то с горы спускается, — по своим стариновским тропам едет.

Знал охотник местность: — сколько всего хожено-перехожено. — Сколько, он дичи стрелил, а сколько мимо него прошло? Однако, чем старше становился охотник — тем больше опыта прибавлялось. Меньше становилось ошибок и промахов.

Знал старик не только местность, но и порядки местные понимал. Понимал: за каким зверьем можно ходить, и по какому сезону.

Половину дня, он, козу выслеживал. После полудни с караулил и стрелил. Сразу попал в нее, — не промахнулся.

Стреляный дед, опытный, — без суеты на дело идет, — если стреляет, то точно.

Трудно зверю уйти от него. Сохранил, он, острое зрение, не смотря на свой возраст. Память еще сохранил отменную и холодную ясную голову.

Карабин, у деда, проверенный, — не менял никогда своего карабина. Следил за ним: чистил вовремя и смазывал. Относился, к нему, как будто к живому. После точного выстрела разговаривал, гладил, тряпочкой карабин протирал. Оттого и ружье служило: никогда не ломалось, и никогда не клинило.

Когда-то, еще в далекой молодости, подсмотрел охотник походную хитрость. Другие бывалые, чтобы с тяжестью не таскаться по лесу, — прятали свои ружья в дупле.

Так и он тогда поступил: заприметил подходящее дупло, примерил, чтобы свой карабин помещался, и с тех пор оставлял, его, там. Обернет плотной тканью, залезет на дерево, схоронит ствол, сверху чопом дупло закроет. До дому уже без ружья подается, с одной лишь добычей.

В прошлый раз, когда он козу стрелил, — долго с ней прокопался. Пока суть, да дело, — сумерки наступили. Подкатился, охотник, к дереву, лыжи поставил, ружье свое тряпкой обернул и в дупло положил, — до следующего раза. Сам добычу на себя взвалил и в деревню...

Однако не все по его пошло.

До деревни дедовой, посветлу катиться — далеко, но не сильно. Однако уже стемнело: лес, в округе густой, и еще кустарники...

Рядом завыли волки, зарычали, по следу его пошли.

Несет охотник козу, кровь у козы капает, — указывает волкам дорогу.

Жалко, деду, добычу бросить: — сам, своими руками добыл, — целый день на нее потратил. Однако серые рядом, и деваться некуда. Бросил, дед, свой трофей на снег, а сам побежал, сколько было силы.

Отстали волки, — вроде как помогла добыча, — отвлекла их на малое время. Запыхался охотник, устал, остановился отдохнуть. Стоит, руками оперся в колени, вокруг оглядывается. Не видит глазами волков.

Прислушался... — никто не воет, не бежит за ним. Успокоился и собрался дальше, однако не тут-то было. Поднялся он, покатил на лыжах. И понять не успел, как перед ним появился волк.

Страшный волчара

Серый волчара, в половину роста. Глаза большие сильные, клыки острые, страшные. Что особо запомнил охотник — вся морда, у волка в шрамах. Губа, у него, едва срошена. Большой зверюга, опасный, — запросто мог задавить старика.

Волк подошел, рыча и оскаливаясь. Обнюхал деда, осмотрел с головы, и до самых пят. Заглянул в глаза, но того, что искал, не увидел. Что-то иное увидел волк: то, что другим зверям не положено видеть.

Всякое было с охотником: и с волками встречался, и с медведем, и на сохатого раньше ходил.

Однако такого случая не было в его памяти. Он и ответить ничем не мог: ружье, у него, — в дупле осталось, на дереве. Коза, его, — у других волков. Теперь он сам стал добычей для волка.

Помолился дед, попросил о помощи. За себя попросил и за свою жизнь. Сердце, у него, заходится, руки холодные, ноги ватные. Тишина зазвенела в ушах, напряжение достигло пика.

Волк, его, обнюхивает, зубами лязгает, деда вокруг обходит. Дед стоит, не шевелится, — только смотрит на зверя из-под своей ушанки.

Тут они встретились взглядами. Волк зарычал, сразу мор-

ду оскалил. Он прижался к земле и хотел уже прыгнуть. Но почему-то помедлил. Снова поднялся, принюхался, навострил свои уши.

Старик словно «шкурой» почувствовал холод: — дернулся от испугу, и уже попрощался с жизнью. Дрогнул: на волка глянул, а потом посмотрел на небо.

Там, высоко за деревьями, где, еще недавно, горела луна, — появилась тень. Она быстро приближалась, становилась все больше и больше. Росла до тех пор, пока не накрыла собой всю поляну.

— Карр... рр, — неожиданно громко крикнул ворон. Он пролетел высоко, над деревьями.

Волк оторвался от деда и тоже посмотрел вверх. Повертел своей головой, а потом зарычал.

— Карр... рр, — снова послышалось. Тень покружила вокруг и развернулась в другую сторону. Волк снова зарычал и оскалился.

— Карр... рр, — раздалось эхом вдалеке. И после, все стихло. Лунный свет осветил поляну, осветил кусты и деревья, осветил деда-охотника и большого волка.

Волк перестал рычать. Он подошел к охотнику, поднял заднюю лапу и помочился на него. Потом развернулся, рывкнул и скрылся за деревьями.

Дед стоял не живой и не мертвый, не зная, как ему быть: бежать оттудова поскорее или на месте оставаться.

Прошло немного времени, появились другие волки, —

много волков. Они подошли к деду, окружили со всех сторон. Зарычали, в предвкушении легкой охоты. Понимали они свое превосходство: подрались даже, меж собой, из-за не убитой, пока, добычи. Обозлились волки, друг на друга и на старика.

Тут набежал ветерок, на пахнул от деда. Отпрянули волки, почуяли запах Матерого и отошли назад.

Пошевелился дед, — зарычали они, но почему-то не тронули. Покружили вокруг, поскакалились, развернулись и ушли восвояси.

Что это было?

— «Что это было?» — подумал старик.

— «Как это, — как такое возможно?»

Он все стоял и не мог поверить, что его отпустили.

Пощадил Вожак старика, — не стал его убивать, и другим не позволил этого.

Как дед домой вернулся, — даже не вспомнил. Поменял одежду, волком помеченную, на сухую. Воды на печке нагрел, мыла хозяйского в тазик построгал. Замочил грязные вещи и оставил их на ночь. Сам помылся, чаю себе с кипятил. Сидит думы свои невеселые думает. Трясет старика от нервов, от всего пережитого. Руки ходуном ходят, кружку с чаем не держат совсем.

— «Да чего со мной не так? Был молодой — не боялся, а тут, волка какого-то...», — подумал он и полез в подпол. Достал оттуда большую бутылку. Откупорил ее, накапал в стакан — граммов сто пятьдесят. Посмотрел на свет и прикинул. Долил еще, — до самых краев. Вернул бутылку на место, огурцов соленых из банки выудил, сала соленого порезал и хлеба ржаного. Присел на табурет. — Сидит и трясется, как будто насквозь промерз. Взял стакан, а рука не дает, — не держит совсем, все расплескивает. Взял двумя руками, чтобы не разлить, наклонил аккуратно. Капнул на пол, прошептал имена своих предков-охотников. На махнул, за один

раз, и все проглотил.

Съежился от «горючего», сжался в большой комок. Рукавом своим занюхал. Взял соленый огурец откусил, пожевал. Сало на хлеб положил, тоже кусочек откусил, вместе с соленым огурцом. Сидит, пережевывает, вкуса почти не чувствует.

Хорошо стало в организме, жаром обдало изнутри. Согрелся старик, и дрожать перестал. Помутнело у него в голове, поплыло, мысли стали в кучу сбиваться, глаза собрались в одну точку. Усталость на него навалилась. Он поднялся еле, и, на шатающихся ногах, добрел до своей кровати. Стянул с себя одежду, улегся и сразу уснул.

Только сон беспокойный был, кошмары, его, одолевали. Волк тот приснился страшный, словно предвестник каких-то событий. Другие хищники, — много их. Снился лес и охотники, гонщики и стрелки. Волчья облава снилась. Однако потом все спуталось.

Долго тянулась ночь, никак не заканчивалась. Даже проснулся старик посреди нее. Встал, чаю холодного хлебнул, сходил на мороз, в уборную, дров подкинул в печку, и дальше спать. Опять не спалось нормально. Метался дед во сне: бредил, звал на помощь, убегал от кого-то.

Утром проснулся, майка вся мокрая, и подушка тоже. Поднялся, он, майку с наволочкой поменял. Печку, остывшую, растопил. Разогрелась печка, распалилась, — тепло стало в доме.

Достал дед одежду, замоченную с вечера. Постирал ее, отжал и в тазик положил. Надел валенки на ноги и шапку на голову. Накинул тулуп на плечи и вышел за порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.